

Л. В. Шабанов<sup>1</sup>**ОТЧУЖДЕНИЕ КАК КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР  
ТЕНДЕНЦИЙ ГЛОБАЛЬНОГО ДИАЛОГА КУЛЬТУР**

Отчуждение в системе диалектики противоречия носит неоднозначный характер (одна из антиномий бытия — «целое = всё, часть = ничто; часть = всё, целое = ничто» — очень четко показывает, насколько тотально и даже тоталитарно могут проявлять себя конфликты культурной глобализации и регионализации культур). Есть две культуры в каждой культуре, — писал В. И. Ленин; М. М. Бахтин отразил их как «высокую» и «низкую», оправдывая особую ценность демократичности последней; Д. С. Лихачев показывал «качественность» высокой духовной культуры, ее важность, несмотря на явное превосходство «количества» культуры низкой, обыденной, бытовой. Ю. Лотман расширял понятия высокой культуры как определяющего интеллигенцией системного многообразия, отражающего культуру народа и страны. С. Хантингтон, наоборот, говорил об упрощении культур на уровне *сродственных* цивилизационных маркеров, которые и заставляют страны и народы отражать определенные качества и отличать себя от «других».

Впервые можно применить категорию отчуждения в призме социальных пространств (Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк, Т. Гоббс, К. А. Гельвеций — теории «общественного договора») через внешние и внутренние факторы, позволяющие говорить о конфликте отчуждения в обоснованиях таких феноменов, как *«идеология отчуждения»* и *«образ врага»*.

Однако как только производится рефлексия общества над самим собой (одно из определений социологии Т. Адорно), возникают новые дробления социально значимой матрицы: культура, субкультура, конкркультура и антикультура. Эти части целого скорее становятся архетипами отчуждения, нежели институциональными матрицами, формирующими конфликт философий социальных пространств. Для снятия этого

конфликта была предложена идея *глобализации мира локальных противоречий*. В этом мире мелкие конфликты имели бы возможности быстрых разрешений, а возможность крупных конфликтов была бы сведена на нет (И. Кант — республика республик; К. Маркс — коммунистическое общество; А. Бергсон и К. Поппер — открытое общество).

Мы снова оказываемся в ситуации антиномии: целое предшествует частям или части предшествуют целому? Глобальная культура, компилируя из довольно сложных разнокультурных пространств, согласно диалектике перехода, упрощается. Эффект познания другого через незнание себя приводит к дальнейшей дегуманизации искусств и культур локального характера (внутренняя и внешняя варваризация, «очуждение» социальных пространств), которые позволяют нам сегодня наблюдать эффект сродный гибели культуры греко-римского мира в эпоху крушения Римской империи и становления периода «темных веков» раннего Средневековья.

Отчуждение в личном пространстве и внутриличностное отчуждение могут проходить по трем диспозициям: «объективные» индикаторы (место рождения, регистрация, национальность, гражданство и т. п.); социально-статусные характеристики (например, имущественное положение, образование, профессия) и ролевые наборы (иерархия и членство в первичных группах, неформальных структурах, социациях). Современные тенденции глобализации де-юре призваны снять все эти диспозиции, таким образом полностью решая проблему «своих» и «чужих».

В таком случае мы можем напрямую столкнуться с другим феноменом отчуждения личности — социальной смертью, то есть выпадением из социального пространства и контекста культуры, влекущим забвение актуальной части личности (имя, образ, отказ от субъектности (Э. Фромм); отвержение норм/идеалов/ценностей (Я. Морено); утрата социальной идентичности (В. А. Ядов); потеря свободы (Р. Парк)).

<sup>1</sup> Профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор философских наук, кандидат психологических наук. Автор свыше 120 научных публикаций.

Отчуждение становится частью социального пространства конфликта, когда очередное дробление и синтез частей вообще не приводят к пониманию целого: если *общество* = цивилизованные люди, яркие индивидуальности, личности, тогда *толпа* = сборище варваров, простолоудинов. Однако в XX веке появляется понятие «аудитория», то есть общество, которое готово внимать (а по возможности и обсуждать) определенным темам, ставить проблемы, задавать вопросы (отвечать на вызовы времени в конце концов). Но давайте посмотрим, насколько отвечает определение середины XX века тем характеристикам, что отражает в себе современная аудитория (из чего складывается матрица идентичностей индивида той или иной аудитории). Аудитория — совокупность малых групп (целевые группы), члены которых связаны между собой информационным взаимодействием (контент) и совершают активный выбор коммуникационного поля (рейтинг).

Понятия «контент» и «рейтинг», «IT» были незнакомы Х. Ортеге-и-Гассету, однако он, оперируя понятиями «стандартизация», «новое искусство», «упрощение», описал перспективы *дегуманизации «эстетической реальности»* человека.

Нищету духовной жизни начинают восполнять гаджеты, эргономика, престиж, иллюзии комфортабельности, зрелища — псевдоморфозы, то есть суррогаты

культуры (гламур — глэм — глум(ление) над окружающими и над собой). Нищету личности восполняют «престижный символизм» (симулякр) и поиски себя в иерархических социальных структурах (образ «я» — зеркальное «я» или «значимый Другой» — имаго — имидж). Возможно, в этом и кроется сегодня кризис философии как научной дисциплины, которая вызывает неприятие студентов и слушателей из-за схоластической отстраненности от реалий действительности.

Искажение информационного поля, превращение его из *знания в престижный товар* (с истиной «где-то посередине»). Что это может значить? Динамика отчуждения собственного «я-настоящего» и замена его на «я-непохожее». Конфликт идентификации? Но даже конфликт сегодня есть часть политики потребления, так как сенсации и скандалы являются основным средством привлечения внимания, гипнотизации массового потребителя (*суммы целевых аудиторий*).

Но если целое есть сумма частей или антиномия «*целое есть нечто большее, чем сумма частей*», то не заменяем ли мы глобальную культуру глобальным бескультурьем? А если «да», то, возможно, мы в данный момент представляем собой «последних римлян», которым не суждено в ростках постсовременной новой культуры сквозь многочисленные тернии, деформации и искажения увидеть иное и уж тем более прозреть семена будущего Возрождения?